

ТОТАЛИТАРИЗМ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ КОНТРАКЦИИ

В данной статье впервые в русскоязычной научной литературе рассматривается феномен тоталитарного режима в качестве геополитической технологии преодоления контракции (геополитического сжатия). Кратко характеризуется противоположный способ преодоления контракции, осуществляемый современной Россией, – либеральный.

Основной формой практического освоения геополитического пространства является экспансия (пространственное расширение). Противоположной ей по смыслу и практическому значению является категория контракции (сжатия). Сущностью контракции является потеря пространства, иначе говоря – пространственное сжатие.

Феномен экспансии описан во множестве работ геополитиков различных эпох и научных направлений. Экспансия – это основная потребность и основная победа государства или негосударственного геополитического актора. Как говорит пословица, у победы много отцов, а поражение – всегда сирота. Поражение в геополитической борьбе, т. е. контракцию, геополитики описывают редко и неохотно.

Между тем контракция, увы, это реальность, и такая же осязаемая, как экспансия.

Рассмотрим современную Россию именно как пример максимальной степени контракции, контракции во всех типах геополитического пространства – геополитического провала, который приводит к снижению геополитического статуса.

Современная Россия является продуктом распада более мощного государства – СССР – и пока что большинство ее геополитических параметров обусловлено этим обстоятельством.

В экономической сфере Россия осуществляет «обратный переход» к капитализму после периода социалистического и коммунистического строительства. Период первоначального накопления капитала, как и везде, сопровождается падением жизненного уровня большинства населения (в 1992 г. в России, согласно официальной статистике, было 82% бедных, сегодня – более 30%), резкой имущественной дифференциацией (децильный коэффициент в 1999 г. – 1:13) и распространением таких социальных явлений, как преступность, коррупция, наркомания и безработица. Экономическое пространство России в сравнении со временами СССР резко сжато: российский ВВП в 1999 г. составлял 1,6 от общемирового, а в 2001 г. – 2,4% (ВВП СССР в 80-е гг. – 21%). Несколько лучше показатели объема промышленного производства: 1,8% общемирового уровня, 82% от уровня США, 73% – Великобритании, 61% – Франции, 36% от уровня про-

мышленного производства Германии. При этом 60% промышленного оборудования в стране изношено и устарело как в физическом, так и в моральном отношении. По показателю использования высоких технологий в промышленности Россия отстает от Японии в 8 раз, от Германии – в 6 раз (Гаджиев, 2000).

По доле в мировом ВВП Россия в 2001 г. находится на уровне Пакистана:

США – 21%,
Западная Европа – 20%,
Япония – 7,5%,
Китай – 12,5%,
Россия – 2,4%.

По прогнозу ИМЭМО РАН в 2015 г. соотношение упомянутых стран будет таким:

США – 18%,
Западная Европа – 16%,
Япония – 5,5%,
Китай – 16,5%,

Россия – 3% (при условии сохранения экономического роста 5-6% в год). (Арбатов, 2000.)

Страна является самой ресурсной среди всех стран мира: 38% общего объема природных ресурсов мира находятся в России, в том числе 25% леса, 15% нефти, 42% природного газа, 43% угля (оценка), 50% ванадия и 100% иридия (разведанные запасы).

Россия живет за счет добычи и экспорта своих природных ресурсов. В настоящее время на мировой рынок поставляется:

– 43% добываемой нефти,
– 36% добываемого природного газа,
– 25% круглого леса.

Экспортируется также 90% производимого в стране алюминия, 80% меди и 72% минеральных удобрений.

Доходы бюджета, получаемые от экспорта сырья, в значительной мере идут на оплату импорта товаров народного потребления. В первую очередь это продовольствие: импорт составляет 60% потребления мяса, сливочного масла – 50%, растительного масла – 30%. Данные по бытовой электронике: 100% телевизоров, видеомагнитофонов, компьютеров, копировальной техники, почти 100% холодильников – импорт (Кудров, 2000).

С. Караганов, глава Совета по внешней и оборонной политике, называет такую структуру экспорта и импорта «реальной угрозой экономической безопасности» страны.

Сжатое экономическое пространство современной России не позволяет ей осуществлять такой же объем экономической экспансии, как во времена СССР. Тем не менее Россия все же реализует некоторые важные геополитические проекты: строительство АЭС в Бушере (Иран), масштабные поставки вооружений в Индию (2000-2001 гг.), строительство нефтепровода Россия – Турция на дне Черного моря (проект «Голубой поток»), кредитование стран СНГ и т. п.

Мощное сжатие испытало и физическое пространство России.

После распада СССР территория России уменьшилась на 24%, появилась проблема разделения физического пространства страны (Калининградский эксклав). Большинство ее административных границ стало межгосударственными границами. Необходимое обустройство новых физических и таможенных границ страны затруднено отсутствием достаточных для этого финансовых возможностей бюджета. В результате, по данным бывшего главы ФПС генерала А. Николаева, 80% физических границ современной России не имеют соответствующего обустройства. Естественно, такое положение стимулирует рост нелегальной миграции, деятельность контрабандистских сообществ, прежде всего наркосиндикатов, а также возрождает территориальные претензии к России со стороны ее соседей.

Кроме потери более чем 5 млн. кв. км территории Россия лишилась и большей части шельфов Черного, Балтийского и Каспийского морей с их богатыми запасами полезных ископаемых. (Прикаспийские нефтяные месторождения считаются вторыми в мире по разведанным запасам «черного золота»). Выход современной России к Черному и Балтийскому морям резко ограничен, и соответствующие военные флоты России фактически превратились в тень существовавших прежде мощных воинских соединений. Россия утратила военно-стратегическое преимущество в акватории Черного и Балтийского морей. Территориальные претензии Украины к России в Керченском проливе грозят превратить Черноморский флот, как торговый, так и военный, в заложника: если Украина реализует свои претензии, то выход кораблей в море будет платным и станет зависимым от того, дадут соответствующие украинские власти разрешение на это или нет.

В космическом пространстве экспансия России затруднена, кроме всего прочего, тем, что ос-

новной российский космодром Байконур теперь располагается на казахстанской территории, и Казахстан требует 100 млн. долл. в год за его аренду. Затопление в 2001 г. космической станции «Мир» значительно повлияло в отрицательную сторону на перспективы геополитического расширения России в космосе. Затопление «Мира» и ограничение числа российских космических аппаратов военного и гражданского назначения – в основном результат экономического упадка страны.

Военная мощь страны, по мнению С. Караганова (Совет по внешней и оборонной политике), находится в критическом и даже катастрофическом состоянии.

Распад мировой системы социализма и СССР сопровождался выводом советских войск из Европы, роспуском Варшавского договора и фактической потерей всех бывших геополитических союзников страны. Прекращение экономического сотрудничества с большей частью прежних партнеров или его резкое сокращение, разрыв внутрихозяйственных связей с независимыми государствами – бывшими республиками СССР также отрицательно повлияли на развитие российского ВПК. Обвальная конверсия привела к фактическому разрушению военно-стратегического потенциала страны. Сегодня Россия утратила более 300 технологий производства вооружений и военной техники, объем производства в оборонных отраслях составляет 8,7% советского. Оборонный бюджет страны в 2001 г. составлял десятую часть от китайского оборонного бюджета, шестую – от японского, четвертую – от германского и сороковую – от американского оборонного бюджета. Новейшие вооружения – это 20% вооружений российской армии, тогда как в американской армии – 70%, в других странах Униполя – 50-60%. Армия хронически недофинансируется, и к 2005 г. доля новейших вооружений может снизиться до 5%. (Арбатов, 2000.)

К 2015 г. НАТО приобретет 4-кратное превосходство над Россией. Китай и Япония по военной мощи будут превосходить Россию: Китай – абсолютно, Япония – в отношении российской дальневосточной военной группировки. Возможно китайско-японское соперничество за российский Дальний Восток и океанские острова, которое при дальнейшей деградации российской военной мощи может вылиться в силовой захват Китаем российского Дальнего Востока, а Японией – тихоокеанских островов России (прогноз А. Арбатова).

Все вышесказанное привело к резкому снижению уровня государственной и национальной безопасности страны по всем важнейшим пара-

метрам: экономическим, политическим, военным, идеологическим. Основная угроза экономической безопасности России – товарная, особенно продовольственная, зависимость, несколько снизившаяся в результате кризиса 1998 г., когда резкое удорожание импорта заставило российскую промышленность активизироваться. Финансовые кредиты международных структур и отдельных стран Униполю превратились в неподъемное бремя для страны: только выплаты процентов по кредитам составили бы в 1999 г. половину бюджета России, а в 2000 г. – более трети. Реструктуризация выплат сопровождается со стороны кредиторов жесткими условиями экономического и политического характера.

В военном плане Россия сталкивается с откровенной агрессией союзных Униполю стран (Пакистан, Саудовская Аравия, ОАЭ, Турция) в республиках Северного Кавказа, выражающейся в подготовке, лечении и финансировании чеченских боевиков, помощи им оружием, инструкторами, разведывательными данными, техникой, а также в участии военнослужащих этих стран в вооруженных конфликтах внутри России (Пакистан). Южные соседи России – государства проамериканской ориентации Грузия и Азербайджан – укрывают на своей территории боевые отряды террористов, предоставляют в их распоряжение учреждения для лечения и отдыха. Последнее – лечение и отдых – боевики получают и на Украине, стремящейся в НАТО. Украинские наемники из УНА-УНСО активно участвуют в боевых действиях на стороне сепаратистов.

Итак, в результате распада СССР и противоречивого осуществления структурных реформ «обратного перехода к капитализму» современная Россия утратила статус не только сверхдержавы, каковым обладала во времена СССР, но и статус великой державы. Более того, Россия сегодня не может претендовать даже на статус региональной сверхдержавы и является обычной региональной державой Евразии. Реальный статус противоречит сохраняющимся в общественном сознании воспоминаниям о совсем недавнем глобальном могуществе и притязаниям элиты на его восстановление. Поэтому современная Россия геополитически противоречива. В определенных сферах она ведет себя как великая держава (притязания на сохранение коопонсорства в решении проблем Ближнего Востока, участие в миротворческих операциях наравне с великими державами, сохранение статуса постоянного члена Совета Безопасности ООН, притязания на полноправное участие в G-7 и т. п.). В других областях – как региональная сверхдержа-

ва (попытки выступить гарантом урегулирования армяно-азербайджанского конфликта, грузино-абхазского и т. п.). Где-то Россия позиционирует себя соответственно своим сегодняшним возможностям (ликвидация космической станции «Мир» и определенного количества стратегических ракет из-за невозможности финансировать их существование и использование, резкое сокращение вооруженных сил и т. п.). При президенте Путине активизировалась первая линия геополитического поведения России – линия на восстановление былого могущества.

Каковы же основные способы преодоления контракции, применяемые современной Россией?

Россия пытается выйти из контракции:

– в СНГ: заключая двух-, трех- и пятисторонние договоры о совместной обороне от террористов (Ташкентская пятерка), об экономической деятельности (Евразийский экономический союз), об унификации таможенных правил и пошлин (двусторонние и многосторонние договоры с Беларуссией, Казахстаном, Киргизией);

– в Азии: войдя в АТЭС, активизировав контакты с Китаем, Индией, Ираном, Вьетнамом, возобновив переговоры о заключении мирного договора с Японией, создав Шанхайскую организацию сотрудничества;

– на Ближнем Востоке: активизировав свою роль коопонсора разрешения арабо-израильского конфликта, восстанавливая контакты с Ираком, Сирией, Турцией;

– в Европе: налаживая взаимовыгодные экономические и политические контакты со странами Западной и Центральной Европы, с Европейским союзом.

После сентябрьских 2001 г. терактов в США перед Россией появилась реальная возможность частично преодолеть свое геополитическое сжатие, присоединившись к антитеррористической коалиции. Прочное взаимодействие с США и странами Запада в антитеррористической борьбе позволило России перейти с геополитической позиции «факультативного партнера» Запада на позицию ключевого союзника в борьбе с терроризмом, а в целом – достичь статуса стратегического партнера.

С приходом путинской администрации и смелой администрации в Вашингтоне в 2001 г. отношения между США и Россией вначале осложнились. Геополитическая активность России при Путине расценивалась республиканской администрацией как опасная для США. Для России же значительное препятствие в повышении ее геополитического статуса представляла декларируемая

США при Буше-младшем «политика с позиции силы» и намерение создать НПРО, выйдя из Договора по ПРО 1972 г. Стратегическое партнерство, установившееся между США и Россией на почве антитеррористической борьбы, позволяет частично преодолеть эти противоречия.

В целом же современное геополитическое положение России можно однозначно оценить как чрезвычайно трудное, а возможности геополитического расширения – как чрезвычайно ограниченные. Тем не менее, как известно, Россия неуклонно проводит либеральные реформы, и преодоление контракции связано с использованием технологий, либеральных в своей основе.

Однако существуют и иные технологии преодоления контракции.

Рассмотрим одну из них, которая применялась в 20 веке великими державами, находящимися в состоянии контракции, в том числе и Россией. При этом оговоримся, что данный метод ни в коем случае нельзя признавать как универсальным, так и применимым для современной России.

Если принять точку зрения Х. Арндт и признать, что тоталитарные режимы возникают и развиваются в 20 веке, то можно высказать гипотезу о том, что, начиная с этого времени, тоталитарный режим является технологией геополитического прорыва великой державы в ситуации резкого или даже критического геополитического сжатия.

Тоталитарный режим характеризуется всеохватным контролем государства (точнее, тандема «партия – государство») в отношении индивида. Контролю подлежат в том числе сфера сознания и сфера личной жизни. Тоталитарные режимы возникают именно в 20 веке, т. к. эта историческая эпоха – рубеж 19-20 веков и первая треть 20 века – создает средства прочного контроля массового сознания: радио, кино, телевидение.

Этот тип политического режима, как и все вообще характеристики социума в любой момент его развития, не возникает на пустом месте, т. е. спонтанно. Чтобы понять, в чем же состоит объективная необходимость тоталитаризма для конкретного социума, посмотрим внимательно на основные характеристики функционирования общества в тоталитарном режиме. Этот социум фактически лишен структур гражданского общества (юридически существующие структуры лишены своих имманентных функций защиты прав индивида), оппозиция сурово подавляется, в экономике преобладают черты узконаправленной индустриализации милитаристского типа, практикуется идеологическая унификация и унификация личной жизни. Таким образом, унифицированное во всех сферах

жизнедеятельности тоталитарное общество представляет собой как бы пучок концентрированной, однонаправленной энергии.

На что эта концентрированная энергия направляется? Для чего она создается, чем именно востребована?

Такой мощный энергетический пучок не может быть предназначен ни для чего иного, как для пробивания какой-то мощной преграды развития. В геополитическом плане это может быть только одна задача – выход из состояния мощной контракции, степень которой нация воспринимает как критическую. При этом общество платит за достижение цели очень высокую цену: массовые репрессии против инакомыслящих приводят к подрыву генофонда и культурного базиса нации, унификация экономики в конечном итоге ведет к ее стагнации и снижению уровня жизни населения и т.п.

Отметим, что тоталитарные режимы возникают именно в обществах, порожденных так называемыми великими нациями. Это общества, которые на геополитической арене выступают как великие державы – Россия, Италия, Германия, – или общества, созданные нациями, полагающими себя наследницами великих цивилизаций и великих держав недавнего или далекого славного прошлого – Испания 30-х годов 20 века, например, или современный Ирак.

Большевистская Россия, заключившая в 1918 г. «похабный» Брестский мир, желала ценой геополитической контракции сохранить перспективы реализации коммунистических идеалов. Однако почти немедленно начала вновь осуществлять геополитическую экспансию (военные походы 20-х годов в Польшу, Турцию, Монголию и т. п., финская война, европейские завоевания советской армии 40-х годов, корейская и вьетнамская война и т. п.), пытаясь восстановить и по возможности еще больше расширить рамки прежней Российской империи. Воистину прав Шпенглер, утверждая, что экспансия – это рок, это «нечто демоническое и чудовищное», что влечет великую нацию к овладению новыми пространствами даже помимо осознания социальных невыгод этого геополитического предприятия.

Чем большие пространства – географические, экономические, идеологические – осваивала Советская Россия, тем больше смягчался тоталитарный режим в стране. Наибольшей степени решения основной геополитической проблемы – выхода из контракции – соответствовала наименьшая степень применения тоталитаризма как геополитической технологии. Просто проходила нужда в употреблении этого инструмента. Однако унифи-

кация общества в конце концов окончилась так называемым «застоем» 70-80-х годов, когда лишенная стимулов развития экономика и культура не выдержали «соревнования» с Западом и советская империя рухнула. Тоталитаризм – технология геополитического прорыва – привел к геополитическому сжатию 90-х годов. То же мы видим в тоталитарной Германии, где инициирование мировой войны как метода глобальной геополитической экспансии привело к контракции 1918-1919 гг. Выход из контракции с использованием в качестве технологии тоталитарного политического режима привел к очередной контракции в 1945-1990 гг.

Таким образом, тоталитарные режимы – это естественное следствие критической контракции великих держав. Но их развитие так же естественно приводит к новому витку контракции. Этот колебательный контур может остаться позади только в одном случае – в случае успешного проведения либеральных реформ и перевода общества в функциональный режим демократии.

Тоталитаризм – это геополитическая технология именно великих держав. Малые государства в ситуации контракции ведут себя иначе.

Чехословакия, пережившая позор и трагедию Мюнхенского сговора 1938 г., как и Россия в 1918 г. в Бресте, Польша, не раз поделенная геополитическими хищниками 18, 19 и 20 века, как Германия была разделена по Версальским договоренностям в 1919 г. или по Потсдамским в 1945 г., тоталитарных режимов не создали. У них не было «пространственного чувства» (термин Ратцеля), присущего великим державам, поскольку они к ним уже несколько веков не принадлежали. Их тоталитаризм был навязанным. Однако и данная форма тоталитаризма не случайна: она дала возможность этим государствам в значительной степени восстановить утраченные пространства и увеличить степень своей геополитической значимости.

В той же степени навязанным был и демократический режим ФРГ после очередного раскола страны в 1945 г. Контракция Германии после Второй мировой войны не привела к возникновению в ФРГ тоталитарного режима. Но это объясняется тем, что не раз страдавшие от германской экспансии великие державы тогдашней Европы просто поставили под контроль ее геополитическое и со-

циальное развитие Потсдамскими договоренностями и планом Маршалла. Как в отношении Германии, так и в отношении Японии была принята позиция: не допустить развития в этих странах авторитарных и тоталитарных режимов, чтобы не спровоцировать вновь их геополитическое расширение в форме силовой агрессии. В данном случае Германии и Японии был навязан либеральный тип экономической и политической системы. Правда, японское общество значительно переработало навязанные социальные параметры под традиционные восточные стандарты развития. Тем не менее, сегодня эти государства пользуются преимуществами либеральных систем.

Необходимо подчеркнуть: в геополитической борьбе все государства ведут себя в отношении других государств как хищники, т. е. авторитарно, только одни при этом маскируются, а другие нет. Следовательно, суть заключается не столько в характеристиках геополитического актора (типе его экономической и политической системы), сколько в характеристиках обстоятельств, которые либо позволяют ему быть хищником, либо делают его пищей другого хищника. По этой причине удивление, высказываемое модернистской геополитикой при обнаружении фактов авторитарного поведения демократических государств, т. е. когда либеральные системы ведут себя как этакратические, – не более чем показатель высокой степени идеологической экспансии либеральных систем и укоренения мифа о политической корректности как атрибуте либерализма. Используя ницшеанскую терминологию, можно сказать, что геополитика находится «по ту сторону добра и зла», а Бог, который есть Любовь, не умер на аренах геополитических битв, он просто никогда туда и не заглядывал.

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что тоталитарный режим является одной из технологий преодоления контракции. Эта технология – самая жесткая, поэтому она применяется в случае, когда общество находится в состоянии критической контракции, т. е. полного геополитического провала. Однако есть еще одно условие применения этой геополитической технологии – слабость гражданского общества, как вовне, так и внутри страны, не способного оказать поддержку либеральным технологиям преодоления контракции.

Список использованной литературы:

1. Арбатов А. Национальная безопасность России в многополярном мире. // Мировая экономика и международные отношения. 2000. N 10.
2. Гаджиев К. Введение в геополитику. М., 2000.
3. Кудров В. Место России в мировой экономике в начале 21 века. // Мировая экономика и международные отношения. 2000. N 5.